чиная с Карамзина.[16] Шишков даже фантастическому Диву, отнюдь не в духе Оссиана, пытается дать рациональное объяснение: «Слово сие происходящее или от *диво* (чудо), или от *дивий* (дикий), представляет здесь верховное половецкое правительство, которое, аки некое седящее на высоте престола страшилище, печется через приумножение сил своих нанести неприятелю всякое зло и вред» (VII, 129). По поводу этих штудий Шишкова В. Олин, укрывшийся под псевдонимом «З—15» (он был близок к «Беседе», в 1813 г. стал ее членом-сотрудником, вряд ли хотел раздражать могущественного покровителя и позднее), с издевкой писал: «Не понимаю, почему *див* должен означать *правительство* или *верховную* власть? Весьма удивляюсь, как могло *правительство* сидеть на вершине дерева и кричать с оного?».[17]

Обилие славянизмов придает торжественную величавость даже тем немногочисленным местам переложения Шишкова, которые написаны под явным влиянием Оссиана: «Тако рек Святослав. Великая душа его, в теле ветхом и сокрушенном, колеблется и мятется, подобно трепещущим высокого дуба листвиям, когда бурный ветр играет ими. Очи его сверкают еще искрами любви к отечеству, но седая голова его невольно клонится уже к персям. Мрачен, углублен в размышление сидит посредь вельможей своих, печально окрест его стоящих. Безмолвное уныние царствует повсюду, в домах, на стогнах и в чертогах княжеских» (VII, 144—145).

Рассуждая о красотах древнего памятника, Шишков, увлекаясь, попадает иногда под влияние оссиановской фразеологии: «Впрочем, не взирая на темноту некоторых слов, какой огнь красноречия блистает здесь: Игорь идет с войсками, буря над головами их ревет, ночь и мрак препинают им путь, враны готовятся трупы их терзать, волки на пожрание их разевают пасть свою, орлы, соглашаясь с зверями, кости их расхитить хотят, и лисицы, дыша злобою, лают на червленные их щиты! Меньше ли здесь славенский Оссиян шотландского?» (VII, 55). Однако, когда то же место включается в текст перевода, оно сокращается, приближаясь к оригиналу (выпадают типично оссиановские мотивы: буря над головою их ревет; ночь и мрак препинают им путь; дыша злобою), резко увеличивается число архаизмов (корысть — в значении добыча; гладный — голодный; разверзают — вместо разевают). Это умеряет романтическую тональность первоначального варианта и придает «оссиановскому» абзацу торжественность, отвечающую общему колориту переложения: «Игорь твердый посреде всех сих страхов ведет полки свои к Дону. Уже враны, провидя в них корысть свою, готовятся их трупы терзать; уже гладные волки разверзают на них пасть свою; орлы клектом на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленные щиты» (VII, 130).

В то же время перевод Шишкова подчеркнул связь памятника с народной поэзией. Подробная и тщательная классификация поэтики русского фольклора дана была Шишковым в 1811 г. в работе «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки». Однако уже в переводе «Слова» видно обращение Шишкова к хорошо ему известным приемам народного творчества. Так, он вводит в текст перевода отрицательное сравнение, ибо «уподобления, которые можно назвать отрицательными, часто в старинном стихотворении нашем находим» (III, 100): «...не так дружно гонимые ветром волны морские несутся, как влекомые славою

[16] См.: Н. М. Карамзин. Несколько слов о русской литературе. — Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1964, стр. 147.

[17] Рассуждение о переводе Г. Пожарского «Слова о полку Игореве» и примечаниях, сделанных им на оное. — Журнал древней и новой словесности, 1819, № 11, июнь, стр. 127.